

В СТАРОЕ ОЗЕРО ПРЫГНУЛА ЛЯГУШКА

Дверь парной открылась – и сверчок замолчал. Вошли двое: высокий костлявый старик в тюбетейке и полный мужчина в спортивной шапке с помпоном, из-под которой торчали во все стороны, закрывая лоб и опускаясь к бровям, пепельного цвета кудри. Поднялись по скрипучим деревянным ступеням, старик припадал на одно колено и упирался в него ладонью. Уселась. Напротив темнела заслонка печи, направо тянулись лавки – выгибались углом и уходили под самый потолок.

Старик постучал ладонью по колену, расправил плечи, выпрямил спину, отчего стал казаться ещё выше, шумно втянул воздух, выдохнул и продолжил разговор. Говорил он прерывисто, с паузами, во время которых жевал тонкие губы.

– ...Так вот суть хайку... всё волшебство, может быть... – Старик снова втянул воздух ноздрями, кашлянул, зажмурился. – Кусачий пар, сухо слишком... Даже не в том волшебство, что условный... хайдзин... написал стихотворение... а в том, – старик пригладил жидкие виски, поправил тюбетейку, – что он увидел... то, о чём решил написать.

Его собеседник, прежде сидевший неподвижно, щурившийся и державший пухлые губы трубочкой, кивнул и принялся растирать ладонями бока.

– То есть я хочу сказать... – продолжал старик, глядя перед собой, – нет особой заслуги в том, – он вытянул длинные худые ноги, посмотрел на них равнодушно, – чтобы написать, например... – Он задумался и долго молчал, и слышно было только, как пыхтит, растирая блестящие бока, его собеседник. А потом продекламировал, скрестив руки на впалой груди: – Лёгкий ранний снег... Только листья нарцисса... Чуть-чуть согнулись.

Собеседник перестал тереть бока и покачал головой неопределённо.

– То есть нет... особенной заслуги... в самом описании... – проговорил старик, отклоняясь назад так, чтобы спина упиралась в деревянную стену. – Но вот в том, что поэт увидел... этот вот нарцисс... – старик закрыл глаза, – вот тут ценность грандиозная.

Собеседник кивнул, соглашаясь.

– Там, где... девяносто девять пройдут мимо... – старик убрал руки от груди и пощупал колено, – да ещё и ногой зацепят... Нет, хороший пар, зря я... Лучше уж так...

– Да, пар что надо, – подтвердил собеседник и погрузил лицо в ладони.

По вискам из-под кудрей побежали крупные прозрачные капли – собирались на подбородке, падали беззвучно на деревянный пол.

Дверь открылась – и в парную вошёл мужчина с двумя сыновьями. Старшему на вид было

около двенадцати, младшему не более семи. Мальчики – в одинаковых шапках, наползающих на глаза, – войдя, ступевались, запыхтели, но старший тут же взлетел по ступеням, пробежал мимо старика и, кривясь от навалившегося жара, влез на самую верхотуру, в угол. Младший, не выпуская отцовской руки, одолел две ступени и остановился.

– Выше не полезем? – обратился к нему отец.

Мальчик замотал головой.

Отец расстелил прямо на ступени цветастый коврик; мальчик сел, втянув голову в плечи, обнял пышный дубовый веник, уткнулся в него лицом.

– Ай да мужчина! – восхищённо закивал старик, обращаясь к старшему, съезжившемуся под потолком.

– Я тоже мужчина! – буркнул обиженно младший из веника.

– Конечно, мужчина! – рассмеялся старик.

– Мужчина, мужчина, – отец похлопал мальчика по узенькой спине с торчащими лопатками, – не сомневайся. Видишь, и я с тобой сию внизу.

Старший фыркнул, отец погрозил ему пальцем.

– Так вот... – заговорил старик, чуть понизив голос, – хайку – это... иглоукальвание. Два-три штриха, точка... и из этой точки разворачивается...

Старик развёл руки в стороны, точно разворачивал свиток, подвигал плечами, прижатые к стене, и закрыл глаза.

– Старый-старый пруд... Вдруг прыгнула лягушка... – Он выдержал паузу. – Громкий всплеск воды.

Он открыл глаза и посмотрел на собеседника. Тот отнял багровое лицо от ладоней.

– Да-а, – протянул почитительно.

– Слезай давай! – позвал отец старшего мальчика. – Приплюхает!

Тот прошипел, не поднимая головы:

– Нормально, пап!

– Слезай, говорю.

И младший выглянул из веника:

– Кирилл! Слезай!

Старший цыкнул на него, но потом, не разгибаясь, враскоряку, чуть ли не на четвереньках сполз чуть ниже.

– Как хочешь, – сказал отец и повернулся к младшему. – В ладошки?

Тот мигом соскользнул со ступени, выпрямился, стал напротив отца. Отец взял веник, по-

ложил на колени, вытянул перед собой руки – широкими крепкими ладонями вверх. Мальчик положил в них свои, крошечные.

– Готов?

– Готов.

Отец замер, потом будто вздрогнул – и младший со смехом отдернул ладони. Медленно вернулся на место. Отцовские руки качнулись, мальчик снова отпрянул – и тут же обратно. Так повторилось ещё несколько раз, потом отец стремительно хлопнул левой ладонью по правой, накрыв ладошку сына. Мальчик залился звонким смехом.

– Теперь я! – крикнул он и вытянул руки.

Отец, улыбаясь, положил на его ладони свои – и игра возобновилась. Отец трижды откидывался, уклоняясь, но потом вдруг как будто замешкался – и мальчик звонко шлёпнул его по руке.

Старший воскликнул возмущённо:

– Ты поддался!

– Ни-ког-да! – отчеканил отец.

Старший, красный как рак, пополз вниз.

– Я тоже хочу, – сказал он, сдувая с носа капли пота.

– Вот и отлично, – сказал отец. – Поиграйте немного, я хоть попарюсь.

Он встал, взял веник и в два шага очутился наверху. Младший мальчик тоже встал, поднялся на одну ступеньку и протянул старшему ладошки.

– Я не хочу с ним, – фыркнул старший, оглядываясь на отца. – Я хочу с тобой!

Младший тут же надул губы:

– Я с тобой тоже не хочу.

И он спустился на прежнее место.

В это время дверь растворилась и впустила высокого грузного человека с угрюмым лицом, косматыми бровями и густой чёрной бородой, добирающейся чуть ли не до глаз. Он вошёл, постоял немного, оглядывая парную, потом пробасил:

– Как там? Поддать?

Старик и его собеседник промолчали, отец пожал плечами.

– Обожди только, – обратился он к вошедшему и посмотрел на мальчиков: – Бойцы! Прячься!

Мальчики молча шмыгнули в угол, самый дальний от печи. Там они сели на корточки и съжились. Младший зажмурился.

Бородач снял висящий у стены черпак – жестяную кружку, надетую на черенок от лопаты, и уже потянулся к печи, но тут его остановил старик.

69

– Постой, любезный... – сказал он, – мы, пожалуй, того...

Бородач пожал плечами и опустил руки.

Старик поднялся, закусив губу, стал спускаться, припадая на колено. У двери он обернулся к мальчикам и погрозил старшему.

– Не обижай брата, – сказал он строго.

Старший отвернулся.

Старик вышел, вслед за ним просеменил его собеседник: кудри прилипли к шее и щекам, и казалось, что это шапка порвалась и из неё лезет пух.

Как только дверь захлопнулась, бородач ловко сбил задвижку печи черпаком. Открылся чёрный квадратный проём, в котором лежали друг на друге камни. Камни были серые, но в щелях между ними алело. В парную дохнуло пронзительным острым жаром.

Бородач зачерпнул из тазика, выдохнул: «И-э-эх!» – и забросил в жерло кружку.

Зашипело, зафыркало.

– Папа, – позвал старший, приподнимая голову, – сегодня камни совсем тёмные.

Отец вытянул шею, посмотрел.

– Утром надо приходиться, – ответил он, – чтоб красные посмотреть.

Бородач зачерпнул, бросил – и снова зашипело.

– А где такие камни берут? – пискнул младший, не отнимая головы от коленей.

– Как где? – пробасил бородач. – В вулкане.

Над острыми коленями показались два недоверчивых глаза, посмотрели на бородача, потом на отца.

– Точно так, – подтвердил тот.

Старший склонил голову набок.

– Неправда, – улыбнулся он.

– Правда-правда, – невозмутимо ответил отец. – снаряжают экспедицию, в термोकостюмах спускаются в жерло, вытаскивают камни. Потом грузят их в фуру и развозят по баням.

Младший восхищённо охнул, старший скрипил губы в усмешке.

– Фокус хотите? – обратился к детям бородач.

И он, зачерпнув в очередной раз, при этом наклонился к кружке и опрокинул в неё крошечный пузырь, стоявший прежде у таза, с силой взмахнул черпаком, целясь как будто немного мимо печи. Вода выстрелила из кружки, ударилась об открытую заслонку и с шипением отскочила на камни.

Старший присвистнул, младший выпучил глаза.

– Ещё.

– Хватит, наверное, – засмеялся бородач. – Как там?

Отец махнул рукой:

– Хорош.

Он поднял веник и принялся размахивать им над головой. Бородач захлопнул печку, опустил задвижку и вернул черпак на место. Потом взял со ступеней свой веник и полез наверх.

По парной плыл густой травяной аромат.

– А чем пахнет? – спросил младший, пряча лицо в колени.

– Че-рё-муха, – выдохнул бородач, обрушивая веник на широкую грудь.

Старший привстал и, согнувшись в три погибели, проковылял к отцу – сел у его ног и натянул шапку на лицо. Отец склонился и хлопнул его веником по спине.

– Ну а ты чего же? – обратился бородач к младшему. – Чего прячешься?

– Жарко.

– Веником постучать? – спросил отец.

Младший замотал головой. Старший опять фыркнул.

– Трус, – сказал он.

Младший не ответил. Отец посмотрел на старшего.

В этот момент что-то щёлкнуло и парная погрузилась во тьму.

– Папа! – воскликнул младший.

– Всё хорошо. Не бойся, сиди на месте. Сейчас включат.

– На прошлой неделе тоже гасло, – раздался голос бородача. – Наглеют.

Повисла тишина – только в печи что-то постукивало.

– Папа, – тихо протянул младший, – страшно. И жарко.

– Не бойся, – повторил отец. – Сейчас включат. Если не включат, я спущусь к тебе.

– Когда страшно, – прокряхтел бородач, – читай стихи.

Снова повисла тишина. Из того угла, где сидел бородач, раздалась хлопки: он продолжал париться.

– Я стихов не знаю.

– Кирилл? – спросил отец.

– И я не знаю, – буркнул старший.

Младший забормотал:

– Не нужны мне его стихи. Один у меня есть. Только он маленький совсем. Дедушка рассказывал, я запомнил.

– Читай, парень, не стесняйся, – подбодрил бородач и перестал хлестать веником.

Сквозь густую горячую тьму потянулся тоненький голосок, точно колокольчик зазвенел:

– В старое озеро прыгнула лягушка...

Пауза.

– И водой плеснула.

Тишина.

– Вот так стихи, – расхохотался старший.

Бородач зааплодировал.

– Замечательно! – крикнул он.

Замолчали.

– Папа, – голос младшего дрогнул, – всё равно страшно.

Раздался шорох, шаги, скрип ступеней и недовольный голос старшего:

– Да не трясись, это я. Тут я, тут. Держи руку.

И писк:

– Не надо мне твоей руки.

– Хватит вам препираться, – сказал тихо отец. – Сидите спокойно. Кирилл, будь рядом с братом.

В это мгновение раздался щелчок, лампа моргнула раз, другой и осветила парную.

Младший тут же соскочил вниз и бросился к двери, за ним не спеша двинулся старший. Отец потёр пальцами переносицу, встал и зашагал вниз. Поравнявшись с бородачом, он посмотрел на него и покачал головой.

– Ничего, – сказал бородач. – У меня дочки – то же самое.

Отец всплеснул руками и вышел.

Бородач покрутил головой, разминая шею, погладил бороду. Потом закрыл глаза и проговорил нараспев:

– А ну-ка, Македонца или Пушкина попробуйте назвать не Александром...

Он встал, несколько раз сильно ударил себя по груди веником, тяжело спустился и вышел.

Как только хлопнула, закрывшись, дверь, сверчок снова запел.

КАК Я ВИТЬКЕ СТАЛ БОЛЬШЕ НЕ ДРУГ

(Рассказ старика)

Было нам... Дайте-ка подумать. Да, как вам сейчас, наверное, ну не больше двенадцати. И мне, и Витьке. Дружные, да. С Витькой – эх, не разлей вода, как братья. С самых что ни на есть пелёнок.

Сразу говорю, что верить или не верить – дело ваше. Мне от того ни жарко ни холодно.

На той улице тогда в самом хиленьком домишке жил какой-то... Не помню. То ли бурят, то ли казах. Оттуда, в общем, степной человек. Старый был, что щепка сухая. Глазки узенькие, борода жиденькая, нос широкий. Всё нам байки травил. Что ни вечер – заседаем у него на крыльце. Целой ватагой, да. А он и рад – живёт-то один, так хоть с мальцами языком почешет. Много всякого рассказывал, да. Фольклор их. У них в таких делах недостатка нет – хоть многотомники издавай. Под каждым кустом у них то ли дух какой, то ли природная то есть аномалия. Чудные они, азиаты. Может, оттого сочиняют, что живётся им в степи скучно.

Ну и рассказал он нам как-то про одну такую штуку... Как бы половчее-то... Если, говорит, выйди зимней ночью, да чтоб снежной – а я, надо сказать, и знать не знал, что в степи снег бывает – да чтоб беззвёздной... Выйти если в степь, значит... Ну и, главное, чтоб вот земля – белая-белая, а небо – чёрное-чёрное. И всё – ни деревьев, ни холмов, чтоб горизонт ровнёхонько лежал. Если так вот выйти да зайти подальше, чтоб и за спиной только снег да небо были, голову запрокинуть да подпрыгнуть как следует... Высоко-высоко, чтоб аж в коленях дёрнуло... То, значит, верх и низ кувыркнутся – и упадёшь на небо. Ну, не на небо... Как сказать-то... Вроде как на землю, только наоборот всё будет: земля чёрная-чёрная, а небо белое-белое. Какое-то, поди ж ты, искривление пространства или вроде того. Ну чудачки эти азиаты, говорю же.

Смотрите, закат какой. Холодает, значит. Ежели так полыхает, то наутро жди морозца – верное дело.

Ну так вот. Рассказал он нам такую небылицу. Все головами покачали, покивали с умным видом – и баста. Ну а чего ещё-то? Сколько этих небылиц было уже? А Витьке запало в душу. Он виду не подавал – и даже мне обмолвился только раз мимоходом, тогда же, в тот вечер, как домой шли.

– Интересная, – говорит, – штука, не находишь?

– Нахожу, – отвечаю.

– Вот бы, – говорит, – проверить такое.

– Что ж ты, – отвечаю, – в степь за-ради такого случая поедешь?

– Зачем, – говорит, – мне степь, дурья твоя башка? У нас вон за рекой поле.

Я на дурью башку обиделся, а поле и впрямь есть. Только оно не голое, там изба стояла сго-

ревшая. Жуткое зрелище, надо сказать: ровное такое всё – и вдруг, как пень, чёрная коробка. Хозяйственная какая-то штука – стояла, стояла пу-стая да и сгорела вдруг. Может, молния попала, может, задурил кто и нарочно поджёг. Мало ли дураков?

– Ты, – говорю, – сам дурья башка. А там, если ваше благородие на память жалуется, изба стоит.

А почему «изба» – знать не знаю, прилипло как-то. Витька насупился. Значит, и правда забыл. Ну и всё на этом – распрощались да по домам.

И до самой зимы я от него про эту затею ни-чего не слышал.

А старик тот осенью и помер. От старости. Приехала к нему родня – целая толпа. Похоро-нили и уехали. А дом продали Алексеевым.

Наступила, значит, зима. Снежная была, ух. Навалило – ворота не откроешь. Смотрю, Вить-ка какой-то хитрый стал – это сразу заметно, за-думал что-то. Я его давай трепать, что да как.

Он и говорит:

– Не выходит у меня из головы та байка.

Я и думать-то забыл.

– Пойдём, – говорит, – на разведку.

– А изба-то? – спрашиваю. – Что она, по-твоему, встанет и уйдёт? Чтоб тебе скакать там было сподручнее? Или улетит, может?

– Пойдём, – говорит.

Ну а я чего ж? Можно и сходить, коли делать нечего. В тот же день и потащились. Вдвоём. Я хотел было ещё кого позвать, да Витька воспро-тивился. Известное дело – чтоб всю славу себе...

Здравствуйте, молодой человек. Сызнова ради вас начинать не буду, угадывайте на ходу. Да не шикайте вы на него. Что за молодёжь по-шла сердитая?

В общем, пошли мы. Шли долго, шутка ли, за город, а там поле, а потом рощица, потом ещё до речки топай, переиди её – и ещё по прямой. Шли мы, шли, взмокли даже. А как речку перешли да вглубь поля пролезли, так и обомлели. Всё белым-бело, где небо, где земля – поди разбери. Снег сыплет как из мешка, небо белое, земля белая, всё плывёт – как в молоке.

– Ты куда меня привёл? – говорю. – Заблудимся сейчас.

– Не заблудимся, – говорит, – вон река и сле-ды наши на снегу. Да и по избе ориентироваться можно.

Завертели мы головами – да так и ахнули. Нет никакой избы. Корова языком слизнула. То

торчала, как колдобина какая, глаза мозолила, а тут на тебе – хоть бы точка.

– Наверное, – говорит Витька, – в неё ещё раз молния ударила. Чтoб наверняка.

Я ему сказал, конечно, что молния дважды в одно место не бьёт, это же не громоотвод какой, а так, рухлядь. Да не суть. Я думаю, что тут ника-кой мистики нет: пришёл срок, изба и развали-лась. Не век же ей стоять обгоревшей.

Нет, не бьёт. Если это не громоотвод специ-альный, то не бьёт.

В общем, послонялись мы по полю – нет из-бы. Всё как старик говорил: земля да небо.

– Решено, – говорит Витька, – сегодня же но-чью – сюда.

А тут, признаться, и у меня руки зачесались – мальчишки же. Хлебом не корми – подавай при-ключения. Конечно, я не верил. Ну что за глуп-ость? Прыгни-подпрыгни, да хоть с табуретки, хоть разгон возьми – не на небо же? Но тут надо Витьку знать, такое шило, только держись. И сам на месте не сидит, и другим не даёт. Прямо как заразный какой: если идёшь с ним куда, так не-пременно влипнешь в историю.

Ну, условились мы с ним ночью, из дому да туда. «Тома Сойера» читали? Вот и мы так же – друг у друга под окнами мяукали. Сейчас так, по-ди, не делают.

Но было всё вилами по воде – вдруг ночь звёздная? Мы уж порешили, что даже если и звёз-ды, и луна, да хоть бы северное сияние с салюта-ми, всё равно пойдём пробовать. Я в принципе к нашей затее серьёзно не относился: так, забавы ради чего ж не прогуляться за тридевять земель?

А ночь была как нарочно темным-темна. Ни луны, ни звезды – только снег, значит, белый. Я насилу выбрался: сестрица моя что-то заподоз-рила да караулила – делает вид, будто спит, а сама, знаю, шпионит. Лежал я, лежал, сам чуть-чуть не закемарил, уже и сон сниться начал. Про Витьку. Чувствую, всё, засыпаю. И слышу, сестрица-то сопит у себя. А я знаю, как она со-пит по-всамделишному, такое необразишь. Я тихонько и выскользнул. Оделся, укутался – всё как надо. Выбрался из дому через двор, ту дверь только смазали, не скрипела совсем. Через за-бор перелез – не ворота же открывать – и поспе-шил к перекрёстку.

А Витька там уже, у столба мнётся, чечётку выплясывает. Увидал меня и накинулся.

– Ты чего? – кричит. – Уморить меня решил? Я чуть, – кричит, – ноги себе не отморозил!

– Прости меня, – отвечаю, – дорогой ты мой друг, обстоятельства.

– Обстоятельства, – говорит.

Передразнил, дескать.

Ну и пошли мы потихоньку. Ночь стоит – мрак; если б не снег, на столбы налетали бы. Прошли по улицам – тихо, все по домам сидят. Даже собаки не брешут.

Идём, значит. Вышли за город. Там поле. Не то поле, другое. Прямо перед носом роцца маячит, за спиной дома. Протащились через поле – полные сапоги снега.

– Давай, – говорю, – здесь прыгнем пару раз – и по домам. А то сляжем с ангиной.

Но то ж Витька, как что втемяшит в голову... Идём.

Эх. Зашли в роццу, чуть носы не поразбивали там: идёшь, а всё под ногами проваливается, ветки какие-то, брёвна. Роцца берёзовая, жиденькая, а ночью в мороз-то нет-нет да и возьмёт страх. Прошли роццу. Впереди речка. Речка, понятно, подо льдом, а через неё мостик. Деревянный. Идёшь по нему, а он скрипит как в последний раз. Но, признаться, я к тому времени так замёрз, что мне уже на мостик чихать было. А Витька знай себе марширует, что твой солдатик, и всё ему нипочём.

Ну и снова по колено в снегу тащимся. По полю, значит. Теперь по тому самому. Тащимся, тащимся, обернулись – мостика не видать. По сторонам глядь – избы нет. Кругом как простыня белая, а выше будто гуашью замазано, ни звёздочки. Тут меня как в пот бросило.

– Ну его, – говорю, – пойдём домой.

Витька только что не набросился на меня.

– Дурак ты, что ли?! – шипит. – Столько волоклись – и зазря?

Я помялся, потоптался – чувствую, отпускает. Страх-то. «Не выспался, – думаю, – вот и приплохело».

– Ладно, – говорю, – валяй.

Стали мы с ним, головы задрали... А кругом – тишина жуткая! «Хоть бы, – думаю, – снегопад был, всё как-то поживее бы». Но снегопада нет. И тишина.

Задрали, значит, головы. Ну чисто гуашь!

– Давай на три, – предлагает Витька.

– Давай.

– Кто считать будет?

– Давай я, – говорю.

– Давай.

– Раз, – говорю. И слышу, что у меня голос какой-то сиплый, будто сдавленный. – Два. – На этот раз постарался поглубже как-то. – Три!

Ну и прыгнули мы. Я так, наверное, никогда не прыгал – может, рекорд бы какой поставил, если б кто с линейкой стоял. Аж в ногу что-то щёлкнуло. И мысль в голове пронеслась, как сейчас помню: «Сломал?» А вокруг... Батюшки! Мир вдруг качнулся, перед глазами поплыло... «Перестарался, – думаю, – сейчас на спину плюхнусь. Вот Витька посмеётся». Но плюхнулся не на спину – на живот. Да подбородком как хряснулся – аж искры посыпались, хорошо, языка между зубами не было. А что? Откусил бы, как пить дать.

Перед глазами потемнело – и не светлеет. Я моргнул раз-другой – не светлеет. «Ослеп от удара», – думаю. Вот тебе и приключение. Тут слышу, охает кто-то рядом. Про Витьку-то я и забыл! Привстал, повернул голову – да чуть не завыл от ужаса. Смотрю, ворочается рядом Витька, а лежим мы на какой-то чёрной равнине. И небо над головой – как лист бумаги.

А хотите, и не верьте. Мне всё равно.

Витька сел, глазами хлопает. И рот открыт. Я зажмурился, по щекам себя похлопал, а потом как двину Витьку, кажется, даже ногой.

– Ты куда меня притащил?! – кричу.

А у самого слёзы градом. Чего-чего? Страшно – вот чего! Шутка ли, только что зима была, ночь, а тут – раз! – и не холодно совсем, и земля какая-то сухая, чёрная. И на небе ни облачка, ни луны, ни солнца, чисто бумага.

А Витька совсем ошалел – знай себе озирается. И рот открыт, как у рыбы. Я вскочил и давай его за ворот тянуть.

– Вставай, – кричу, – обратно давай!

Тут он будто очнулся.

– Ты чего? – говорит. – Мы ж этого и хотели!

– Не хотел я ничего! – кричу. – Я с тобой, изверг, больше вообще водиться не буду! Вертай всё обратно!

Он меня успокаивать, а у меня будто истерика какая.

Ну а что? Нервы-то не железные. И дитя ж совсем был. Как вы вот. Ой, да конечно, знаем мы таких смельчаков – ты бы с самого начала в обмороках лежал.

Ну, худо-бедно, а успокоились оба. Витька совсем повеселел, а меня всё как-то потряхивает.

– Ну что, – говорит, – пошли?

– Куда? – спрашиваю.

– А куда-нибудь, – говорит. – На разведку.

Посмотрел я кругом: земля ровная и вся чёрная. Ни травинки, ни кустика. Жутко.

– Нет, – говорю, – давай домой.

Он, понятно, возмущается, обзывается.

– Ладно, – говорю, – давай, недалеко только.

И сразу домой.

Согласился.

Ну и пошли мы куда глаза глядят. А на месте нашего приземления оставили Витькину шапку, чтоб, значит, по ней потом сориентироваться. Ходили, ходили, а равнине конца-края не видать. И пейзаж один и тот же. Мне даже скучно стало.

– Всё, – говорю, – пойдём. Родители хватятся, искать будут.

Витька почесал затылок, волосы взлохматил и говорит:

– Иди.

Я не понял.

– Иди, – говорит, – а я тут ещё побуду. Не может, – говорит, – так быть, чтоб тут ничего не было. Везде что-нибудь есть.

– А родители? – спрашиваю.

– Батя меня поймёт, – говорит, – он мне сам рассказывал, как в детстве из дому сбежал и в шалаше неделю жил.

– А мамка?

– Мамка... – Витька снова почесал затылок. – Ну, я ж не насовсем, я ж вернусь.

– Нет, – говорю, – пошли-ка со мной. Вместе пришли – вместе ушли.

Витька ещё поныл, поскандалил, а потом сдался:

– Ладно. Все нервы вытреплюсь.

И пошли мы обратно, по следам. Там земля такая, будто пыльная, и следы видно, если присмотреться. Я, пока шли, под ноги глядел и ещё следы нашёл, не наши, еле заметные. Но Витьке не сказал: сразу бросится на поиски. Пришли к шапке, Витька поворчал, поугovarивал меня ещё немного, потом плюнул. Стали, головы задрали – белым-бело, даже страшно. Ну и прыгнули. Я ещё подумал, что Витька, наверное, меня захочет обмануть и не прыгнет, но нет, приземлились бок о бок, прямо в снег лицом.

Я даже засмеялся. Ну, отряхнулись и потащились домой. Витька, понятно, мне слова не сказал за всю дорогу – обиделся. Только носом всё сопел. Я как забрался домой, чуть не в одежде в кровать повалился, так умаялся.

А наутро вся улица на ухах. Витька пропал. Лёг, говорят, спать, а утром ни Витьки, ни шубы с

шапкой. И в холодильнике не достача. Все, конечно, поняли, что он сбежал.

Мать его пошла по соседям – что да как, дескать? Кто видел, кто слышал? И к нам приходила. Плакала. Но я почему-то ничего не рассказал. Глупый был совсем, надо было сразу выкладывать как есть. А я тогда решил сам Витьку вернуть. «Пойду, – думаю, – на поле, как-нибудь его разыщу да уговорю домой воротиться».

Но та ночь была звёздной, ни облачка, светло как днём. Я, конечно, пошёл, чуть весь дом не перебудил. Но, сколько ни прыгал, ничего не выходило. Стал я тогда Витьку звать – в голос. Стою на поле и кричу. Увидит кто – в сумасшедший дом отправит. Ну и без результата, да.

Я всё терзался: «Рассказать кому?» С одной стороны, вопрос нешуточный, а с другой... Кто ж мне поверит? Думал мальчишкам нашим шепнуть, да язык не повернулся. И следующая ночь ясной была, да ещё и сестрица что-то стала на ус мотать. Ходит, а сама всё посматривает на меня подозрительно. Поэтому я даже и не пошёл той ночью. Лежал, в потолок смотрел – сон не идёт. И так мне Витькиных родителей жалко было – страсть. Лежал, лежал, думал, даже всплакнул немного и решил, что утром же пойду и Витькиной матери всё расскажу.

А утром – вот те на! – приехал из Москвы мой братец. Старшой. Он у меня тот ещё герой: косякая сажень в плечах, турист, штангист да ещё и студент. Приехал вроде как сюрпризом – никому слова не сказал, а тут вдруг и заявился, прямо с поезда. Мать, понятно, в слёзы, прохода не даёт. А я сразу решил: сперва всё брату, Андрюхой звать, а уже потом, его выслушав, к Витькиным пойду. Брат-то мне точно поверит.

А потому что сам таким же был, как и я.

Подлез я к нему.

– Пойдём, – говорю, – покумекать надобно.

Он человек понятливый – вышли во двор. Сестрица за нами было увязалась, но я на неё шикнул, сделал страшные глаза, она и спряталась.

– Очень надо, – говорит. И язык показала.

Встали с Андрюхой у сарая, я ему как есть всё и пересказал. И про старика, и про поле, и про Витьку. Андрюха посмотрел на меня, поцыкал.

– Не врешь? – спрашивает.

Я даже обиделся. Вот что с людьми столица делает.

– Ладно, – говорит, – раз не врешь, что-нибудь придумаем.

Он у меня ой какой – все девчонки с ума схо-дили. Не человек – древнегреческий герой. Посмотришь – и сразу кажется, что его не Андрюхой зовут, а Олимпием каким-нибудь.

Ну а сейчас я вот думаю: «Он-то, будучи студентом, как поверил?» Вот что значит брат. У вас у кого-нибудь братья есть? Счастливые вы люди.

А днём Андрюха и говорит родителям:

– Поеду я к школьным моим товарищам, туристам. Сто лет я их не видел. Соскучился – мочи нет. А мелкого, – на меня показывает, – с собой возьму, пусть на серьёзных людей поглядит, серьёзные разговоры послушает. Ежели поздно будет, мы у товарищей и заночуем: не тащиться же через весь город домой.

Родители согласились, потому как Андрюха для них величина. Не то что я, шелупонь.

Вечером собрались мы с Андрюхой и махнули к его, значит, однокашникам. Они и песни под гитару пели, и школу вспоминали, походы там всякие, а я сидел в уголке, слушал, слушал, а потом как-то ненароком закемарил прямо в кресле.

Ну а что же тут такого? Устал человек, не выспался, вот и всё.

Слышу, будит меня Андрюха.

– Пора, – говорит, – темно совсем.

– Ночь как? – спрашиваю. – Звёзд не видно? Он в окно глянул.

– Темень, – говорит.

Ну, собрались мы и отчалили. А товарищи знай себе на гитаре бренчат: они так до утра могли бренчать как заведённые.

Подвёз нас один из них – усатый такой, всю дорогу что-то рассказывал. Подвёз почти до нашего дома, там мы вылезли, распрощались с усатым и пошли, значит.

Ну, маршрут уже известный. Когда мостик переходили, я чуть со страху не помер – так он трещал. Вот и поле.

– Ну давай, – говорит Андрюха, – показывай свою аномалию.

– Сейчас. Я сперва попробую его так позвать – вдруг сам придёт?

Не хотел я, если честно, снова туда кувыраться. Жуткое место.

Руки сложил лодочкой и кричу: «Ви-и-итька!» Сначала тихо, потом осмелел, прямо в голос. Кричал-кричал – ничего. Вдруг слышим откуда-то издалека: «Ау-у-у!» Я было решил, что это ещё кто-то по полю бродит, а потом прислушался: голос вроде как Витькин. И снова: «Ау-у-у!» А кругом ночь, и мороз за щёки щиплет.

Мы головы задрали и видим вдруг – вот это диво! – идёт к нам Витька прямо по небу, вверх ногами. В шубе, в шапке, за спиной рюкзак. И какой-то он то ли полупрозрачный, то ли расплывчатый, как отражение или вроде того. Я сперва обомлел, а потом кричу ему: «Витька! Витька!» И рукой машу. Витька подошёл, прямо над нами встал. Встал и улыбается, тоже рукой машет.

Вот тебе и картина.

– Витька! – кричу. – Слезай давай! Тебя мать ищет!

Витька сразу махать перестал и улыбаться перестал. Нахмурился.

– Слезу, – кричит, – только чуть попозже! Вы ей передайте, что всё хорошо!

Не желает слезать.

– Тут такое! – кричит.

А я как рывкнул на него:

– Слезай давай!

А он посмотрел на Андрюху и говорит:

– Вы, Андрей, извините, но брат ваш – трус!

Так и сказал.

– Ах так, – кричу, – так мы тебя силой притащим!

Он тогда фыркнул – и наутёк. И прямо по небу, говорю, побежал, вверх ногами-то.

– Ну, – говорю Андрюхе, – вот тебе и аномалия. Надо этого дурака ловить.

– Да, – отвечает Андрюха, – в такое пацаны не поверят.

– Ты, – говорю, – сейчас вверх погляди да и прыгай что есть мочи.

Андрюха, вижу, замялся как будто, а потом выпрямился, плечи расправил. И даже шапку снял.

– Давай, – говорит. – Считай.

Я голову задрал, посчитал – и прыгнули.

Ну и по новой: всё как-то крутанулось перед глазами, в животе ухнуло, и я со всего размаха брюхом-то и жахнулся. И нос расшиб даже. А рядом Андрюха – только грянулся о землю, тут же вскочил, как мячик, и будто даже в стойку стал боевую. Величина, да. Гляжу, а вдалеке Витька: пятки сверкают, улепётывает. Только улепётывать и остаётся: спрятаться-то негде, пустыня. Ну, снова там земля вся чёрная, а небо чисто белила.

Андрюха, вижу, растерялся, головой замотал, забормотал что-то.

– Андрюха, – кричу, – лови!

Он вздрогнул и ка-ак махнёт за Витькой! Ну прямо легкоатлет, даром что огромный, точно

медведь. Я поднялся, нос рукавом вытер – и в след. Но мне за Андрюхой не угнаться, это как пить дать. Вот я и не стал надрывать – просто быстрым шагом пошёл. Иду, а сам по сторонам гляжу – тихо, тепло и... сухо как-то. Земля вся в пыли, и пыль эту по ней ветерок гоняет. Лёгкий такой ветерок, неприятный. Жуткое место, да. Вижу вдруг, далеко-далеко справа, у горизонта, как будто дымок какой вверх тянется. А откуда, не видать. То ли костёр, то ли вообще из трубы. Я даже остановился, приглядываюсь.

Зрение-то у меня тогда было о-го-го! Ни дать ни взять соколиный глаз!

А тут Андрюха, слышу, кричит мне. Поймал, мол. Я, значит, ускоряюсь. Подбегаю и вижу картину: сидит на земле Андрюха, а под ним Витька – извивается, как червяк. И пыхтит, и даже пробует ругаться.

– Вы, Андрей, извините, – скрипит, – но это с вашей стороны подло! Вы, извините, пожалуйста, подлец!

А Андрюха, значит, не реагирует, держит.

Я говорю:

– Ты, Витька, нам за это ещё спасибо скажешь.

А Витька шипит в ответ, рожи корчит.

– Бери его, – говорю, – Андрюха, да и пойдём.

Тут Витька обмяк.

– Сам, – говорит, – пойду.

Андрюха его на ноги поставил и отпустил.

– Пошли, – говорю.

– Ты мне, – шипит, – больше не друг.

Вот такие дела, братцы.

Ну и пошли мы. Шли, шли, Андрюха по сторонам глядит, я всё пытаюсь дымок высмотреть. Витька голову повесил, плетётся. Ну и, конечно, не был бы он самим собой, если б не попытался ещё раз улизнуть. Шёл тихо и вдруг как припустит в сторону, точно заяц. Ну, это он моего братца недооценил, тот его в три шага догнал да за шиворот.

– Всё, всё, – говорит Витька, – теперь точно сам пойду.

И руки, значит, вверх – капитулирует, дескать.

Я ему говорю:

– Витька, ну это уже не шутки, не на чердаке прятаться. Шатаешься непонятно где, а мать там слёзы льёт.

Он сквозь зубы:

– Это такое место, такое место...

– Какое? – спрашиваю.

– А вот не скажу, – отворачивается. – Не друг ты мне больше, потому и не скажу.

– Больно надо, – отвечаю.

А самого кольнуло, да.

Ну а дальше... Что дальше? Дошли до нашего места – по следам-то.

– Ну что, – говорит Витьке Андрюха, – сам или подкинуть?

– Сам.

– Давай, – говорю я Андрюхе, – сперва вы с ним прыгайте, а потом уже я. Чтоб наверняка.

Андрюха согласился. Встали они, Андрюха давай считать до трёх. Перед самым прыжком Витька на меня обернулся и головой покачал. Я думал, он со злобой посмотрит, испепеляюще. А у него какая-то тоска во взгляде. «Ничего, – думаю, – переживёшь».

Ну и прыгнули они. Чудно это со стороны, скажу я вам. Подпрыгнули, вроде как обычно люди прыгают, да только раз и чуть-чуть выше положенного. И тут же как дымкой их закрыло. Силуэты вижу, но какие-то размазанные, нечёткие. Вижу, встают, прямо на небе-то, вверх ногами, отряхиваются. Витька понурый, головы не поднимает, а Андрюха на меня смотрит, рукой машет. Значит, и он меня видит. Наверное, так же мутно, как я его.

Я по сторонам оглянулся: вот и дымок вдалеке. Не по себе мне стало. Я руками махнул – и к своим.

Слушайте, ну и заболтался я с вами сегодня. Темно-то как. Погодите, лампу включу... Вот.

В общем, воткнулся я в снег у самых Андрюхиных ног. Встал, отряхиваюсь – а кругом... Ночь, зима... Нос щиплет. Смотрим, а в облаках будто просвет. Только что не было, а вот он, поди же ты. И ширится. И в просвет луна, значит. Да такая яркая, смотреть больно. Поле даже замерцало. Тут меня пот прошиб в одно мгновение. Это ж я ещё немного потоптался бы там – и пришлось бы следующей ночи ждать. Почему-почему? Надо ж, чтоб небо беззвёздное было, ну и без луны, понятно.

Вижу, Андрюха бледный стоит, бормочет чего-то.

Ну а дальше, значит, дорога домой. Идём, на нас луна светит. Пока до нашей улицы добрались, облака совсем расползлись, звёзды сияют, светло стало, точно днём. Довели Витьку до дома. Он в палисадник зашёл, к крыльцу, и стал с ключами возиться. Не оборачивается.

– Витька, – говорю.

Не реагирует.

– Витька!

Ни в какую.

– А ты мне всё равно друг, – говорю.

Он не ответил, не обернулся – шасть за дверь. А мы, значит, к себе. Идём молчим.

У самого крыльца Андрюха протянул:

– Я про такое читал. Это вроде другого измерения. Как будто параллельные миры или что-то такое.

Но я вникать не стал, мне до того жутко было, что я бы с радостью про всё это забыл. Как спать ложились, думаю: «Вот проснусь утром, и окажется, что всё это – сон».

Ну, понятно, что не сон. За завтраком всё с Андрюхой переглядывались. А к вечеру он обратно в Москву укатил, он только на выходные приезжал.

Вот и вся история. До чего же спать хочется! Утомили вы меня, братцы.

Ну а что потом? Витька со мной долго не разговаривал. Всё ходил надутый, даже не здоровался. Я первое время боялся, что он опять сбегит, но обошлось. А тут и весна – снег сошёл. Ох

и задал ему бая трёпку, сказать страшно. Ну, поделом же. Он сперва вообще никуда не выходил – под домашним арестом, значит. Ну а потом бойкот, да. Через какое-то время всё же помирились, и здороваться стали, и общаться даже. Но уже не то, конечно, было. Не так, как раньше. Пару раз вспоминали и этот случай – но как-то мимоходом. Не хотелось почему-то об этом говорить.

Ну а сейчас Витька сам в Москве – большой начальник. Приезжал года три назад и ко мне тоже заходил. Пузо-то – в дверь не влезает. В пиджаке, всё как надо. Посидели, повспоминали. Много о чём переговорили – и про детство, и про школу. Родителей вспомнили, да. Я как-то заикнулся про поле то, про ночь. Ну да он как-то... Не знаю, сделал вид, что не помнит. «Чего? – говорит. – Не помню такого». Ну что я, клецками из него тянуть буду? Мало ли, вдруг и правда забыл?

Он, может, и забыл, а я-то помню.

Всё, братцы, на этом точно всё. Давайте-ка по домам. И калиточку-то прикройте, будьте добры. На шпингалет, на шпингалет. Вот и славенько.

